

ЦНСИ
Центр Независимых
Социологических Исследований

ПОЛИС

2'2005

Политические
Исследования

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 2 (85) 2005

Читайте
в следующих
номерах:

Время политики

Политические процессы
в России

Публичная политика

POLIS
www.politstudies.ru

Political Studies

КЛАССОВОЕ КАК ЭТНИЧЕСКОЕ: РИТОРИКА РУССКОГО РАДИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

М.М. Соколов

Согласно определению, данному Кеннетом Берком в его классической книге о риторике мотивов, цель всякого риторического обращения заключается в том, чтобы идентифицировать собственные цели со стремлениями аудитории [Burke 1955: ix-xi]. Продумывая слова, с которыми он собирается обратиться к слушателям, ритор должен решить двойную задачу: во-первых, угадать, какие потребности могут побудить тех к совместным действиям, и, во-вторых, облечь свое предложение альянса в приемлемые для аудитории формы*. Противопоставление этих двух задач является принципиальным для риторического анализа [Farell 1993]. Набор типов аргументации, которые в данный момент считаются легитимными в том или ином обществе, всегда ограничен [Baskerville 1979; Tulis 1987]). Использование аргументов, не входящих в этот набор, способно скомпрометировать как оратора, так и тех, кто позволил ему себя убедить. (Что подумают, скажем, современные избиратели о кабинете министров, который учитывает астрологические прогнозы при утверждении макроэкономической политики?)**

В этом смысле любое риторическое обращение содержит в себе два аналитически различимых слоя: первый — убеждающий, что цели оратора совпадают с интересами его слушателей, второй — доказывающий, что сам процесс убеждения находится в рамках, заданных существующей в соответствующей культуре концепцией разумного. Иными словами, у каждого риторического обращения есть два получателя — непосредственная аудитория и интеллектуальная цензура, на оценки которой эта аудитория ориентируется. Пророк, возвестивший, что воля Всевышнего состоит в том, чтобы передать всю власть в руки кондитеров, вряд ли найдет отклик даже среди последних, как бы им ни хотелось в него поверить, — слишком безумно звучит этот призыв.

СОКОЛОВ Михаил Михайлович, кандидат социологических наук, преподаватель факультета социологии СПбГУ, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований.

* Эти рассуждения опираются на представление о наличии интересов, берущих начало в объективных фактах человеческой физиологии и социальной структуры. Подобные интересы нельзя свести к произвольному определению ситуации (как то предполагает радикальный конструктивизм), но они и не превращаются автоматически в такое определение (как утверждал когда-то радикальный объективизм). Скорее, интересы функционируют как селективный принцип, позволяющий интуитивно отбирать из нескольких доступных определений одно, наиболее близко соответствующее им. Обоснование этой позиции применительно к "классовому чутью" можно найти в работах П.Бурдьё [Бурдьё 2001; см. также Berlin 1987].

** Точнее было бы сказать, что системы аргументации различаются по степени своей престижности и уровню доверия к ним, которые варьируются от очень высоких до практически нулевых. Во время выборов агитационные издания могут напечатать интервью с астрологом в надежде, что какая-то часть аудитории прислушается к его доводам в пользу одного из кандидатов. Такие статьи, однако, обычно помещаются на последней странице, по соседству с фельетонами и анекдотами, в то время как мнения экономистов занимают почетную первую полосу, наглядно демонстрируя доминирование языка макроэкономики над языком эзотерики в современном политическом мире.

ми", которые после Вестфальского мира получили в рамках империи ту же самостоятельность, что и другие немецкие земли. <...> Вплоть до окончания Французской революции ярчайшим примером города-государства, построенного по образцу римского полиса (Roms cert), оставалась Венеция. В настоящее время сохранилось лишь несколько суверенных городов, включенных в современную структуру территории; к ним относятся так наз. "свободные имперские города" — Гамбург, Любек, Бремен, а также такой полукантон, как Базель. Однако на самом деле все они являются не более чем провинциальными центрами, пользующимися широким самоуправлением благодаря покровительству высших властей страны.

На сегодняшний день подобный тип государства тоже принято считать исчерпавшим себя. <...>

<...> Мы констатируем, что современное государство охватывает собой территорию как городов, так и всей страны (land). Все государства — землевладельцы. Следующее наблюдение касается различия между государством и частным землевладельцем. Крестьянин может продать свой хутор (gerd) и купить новый. <...> Совсем по-другому обстоит дело с государством. Государство не может никуда переехать. В противоположность бродячим ордам кочевников у него постоянное место жительства и прописка (hemortsraät). Это установлено раз и навсегда для всех краев (mark). Государство прикреплено к своей земле, оно погибнет, если нарушит эту связь. Оно подчинено "особенностям жизни" на этой земле. Представьте себе, что все население Швеции утратило связь с монархом, государственным флагом, всей своей подвижной культурой и присоединилось к кому-то другому, вошло в другое окружение. Швецию мы не смогли бы унести с собой, позади нас лежало бы мертвое шведское государство.

Мы зафиксировали здесь то свойство, которое сближает государство с феноменами растительного мира, например — с лесом. Государство, <...> подобно лесу, связано с определенной почвой, из которой получает питание и в которую, как дерево, вплетено своими корнями. Есть у него и сходство с миром животных, ибо принадлежащие к государству индивиды могут свободно передвигаться, а значит — и служить его интересам, находясь за пределами государственной территории. <...> В растительной и животной среде можно найти аналогии и процессу колонизации, когда новое государство вырастает как молодой побег на старом дереве. Вместе с тем все антропоморфные аналогии исчерпываются способностью государства устанавливать духовные связи. <...>

Вот в целом те соображения, которые появляются при первоначальной регносцировке просторов геополитики (geopolitikens vida). <...> Я склонен трактовать отношение между государством и его территориальной организацией (rike) не столько как внешнюю связь между собственником и собственностью, сколько как внутреннюю связь между личностью и ее физическим телом. И я полностью убежден, что данная трактовка, вместе с проанализированным здесь материалом, поможет нам изучать те многочисленные нити, которые связывают свободную волю государства с территориальной формой его власти (rike).

Перевод со шведского М.А.Исаева

Важно подчеркнуть, что роли ратора, цензора и слушателя могут исполняться как разными группами, так и интрапсихическими структурами. Человеческое мышление организовано риторически, и любое сознательное намерение, к которому мы приходим, есть результат взаимодействия между влечениями (не важно, идет ли речь о фрейдистском *libido sexualis* или о бурдьеистскими *libido dominandi*), выступающими в качестве цензора, и Эго, которому достаются стандарты, исполняющими функцию цензора, и Эго, которому достаются роль аудитории [Burke 1984]. Та же самая форма социального взаимодействия наблюдается и на поле политической борьбы, только функции цензуры берут на себя интеллектуалы-идеологи. Именно во взаимодействиях между ними одни виды аргументации дисквалифицируются, а другие, наоборот, приобретают почти религиозную неоспоримость. Те, кто не способен — в силу ограниченности культурных ресурсов — воспринимать и воспроизводить считающуюся легитимной аргументацию, оказываются исключенными из политической жизни*.

Существующий в обществе набор легитимных аргументов, как правило, открывает неодинаковые возможности для выражения разных интересов**. В результате ритор часто бывает вынужден убеждать аудиторию в совпадении их интересов и ценностей на навязанном цензурой языке, который мало подходит для передачи подобных сообщений. Соответственно, аудитории приходится искажать то, что скрывает в себе наиболее точное отражение ее не всегда отчетливо осознаваемых потребностей, во-вторых, оценивать риторическую силу этих посланий с точки зрения вводимых цензурой интеллектуальных стандартов и, в-третьих, определять, в какой мере заслуживают доверия их авторы. Апелляция к чьим-либо принципам, чувствам и интересам, сколь искусственно она ни была бы преподнесена, всегда может оказаться лишь попыткой цинично использовать их в собственных целях. От ратора требуются доказательства того, что он вполне искренне разделяет цели своей аудитории.

Такие доказательства служат прежде всего последовательности, с которой ритор связывает себя с интересами этой и именно этой аудитории, и та же последовательность, с которой он противопоставляет себя при необходимости другим аудиториям [Уолтон 2002]. Трибуну рабочего класса не позволительно заигрывать с капиталистами, а националисту — с потенциальными врагами его отечества. Требование постоянства в отстаивании определенных интересов не синонимично, однако, требованию последовательности и постоянства в выборе аргументов. Во многих случаях верно как раз обратное: необходимость поддерживать идентификацию с интересами некой группы исключает возможность быть постоянным в использовании риторических средств установления подобной идентификации.

Аудитория заинтересована в том, чтобы ее актуальные интересы были выражены в наиболее выигрышной форме, т.е. представлены в терминах имеющих наибольший вес в данный момент систем аргументации. По мере изменения интересов и доступных форм их выражения, наборы аргументов могут меняться. Даже в науке, предъявляющей наиболее строгие требования к логической последовательности в выборе интеллектуальных позиций, существует тенденция считать теории, приводящие к одним и тем же моральным и политическим выводам, непротиворечивыми, даже если тщательный анализ соответствующих

* Бурдье назвал указанное явление «культурным цензом» [см. Бурдье 1993а].

** Эта тема, введенная в современную социальную науку А.Грамши в его теории идеологии, получила наиболее интересное, на данный момент, развитие в работах П.Бурдье о символической власти и символическом насилии [Bourdieu 1979, 1989].

построений обнаруживает, что они являются взаимоисключающими [Bourdieu 1989: 71-115]. Точно так же обстоит дело и в области практической политики*.

Последнее замечание указывает на один из допустимых методов анализа риторических обращений, позволяющий выявлять подлинные основания идентификации ратора и его аудитории, отделяя их от риторических ресурсов, предоставляемых для легитимации этого альянса. Взвешивая успех в привлечении поддержки ратора, мы можем попытаться объяснить его успех, анализируя сдвиги в используемых им системах аргументации и отслеживая наиболее общие темы**, которые не затрагиваются этими сдвигами. Наличие постоянной подтемы***, которая не затрагивается этими сдвигами, что идентификация с получателями послания была установлена и, следовательно, выбранные риторические схемы воспринимались ими как вполне подходящие для оформления неких общих интересов. Именно разнообразие риторических средств дает в этом случае возможность отделить их от целей, во имя которых к этим средствам прибегают.

После краткого введения эта стратегия анализа будет применена к документам Русского Национального Единства (РНЕ) — наиболее крупной из русских радикально-националистических организаций 1990-х годов***. Анализу были подвергнуты материалы партийной газеты «Русский порядок», отдельные выпущенные тексты лидера РНЕ Александра Баркашова, интервью с ним, опубликованные в других периодических изданиях — как националистических, так и нет, книги, которые организация рекомендовала своим сторонникам, и, наконец, записи в дневнике включенного наблюдения, сделанные во время встреч, проводившихся РНЕ в Санкт-Петербурге с 1999 по 2002 г.

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ИДЕОЛОГИИ РНЕ

РНЕ возникло после того, как в начале 1990 г. А. Баркашов, руководивший силовыми подразделениями «Памяти», самой заметной русской радикально-националистической организации времен перестройки, вышел из нее вместе с несколькими десятками своих сторонников. РНЕ отличалось от «Памяти» и других аналогичных организаций совершенно новым паттерном коллективных действий [Лихачев, Прибыловский 1997; Лихачев 2002; Shenfield 2001]. В противовес «Памяти», всегда сохранявшей черты дискуссионного

* Если приведенные выше рассуждения верны, наименьшую терпимость к вариациям в риторических ресурсах должны обнаруживать группы, находящиеся на вершине иерархии символической власти, — интеллектуалы. Интеллектуалы производят языки политики, используемые затем остальными политическими агентами, и в большей, чем кто бы то ни было еще, мере могут заставить эти языки служить своим интересам. Поэтому правомочно ожидать, что они будут относиться к ним серьезнее и бережнее других. И наоборот, чем труднее группе выразить свои стремления на каком-либо из легитимных политических языков, тем терпимее ее члены к вариациям в системах аргументации тех, кто говорит от ее имени.

** Конечно, слово «тема», обладающее множеством коннотаций, мало подходит для обозначения тех стратегических констант, которые остаются неизменными, с какими бы блоками аргументации их ни совмещали. Однако за отсутствием лучшего термина оно будет использоваться здесь именно в таком смысле. Примеры сходного словоупотребления можно найти в культурной антропологии [см., напр. Agar 1973]. Я благодарен О.Карпенко (ЦНСИ), которая обратила мое внимание на эту проблему.

*** Русское радикально-националистическое движение состоит из нескольких сегментов, которые, пользуясь до некоторой степени сходной аргументацией (и на этом основании определяя самих себя и друг друга как радикальных националистов), в то же время отличаются паттернами коллективных действий и, шире, политическим стилем. Исследователи выделяют три таких сегмента — «национал-патриотический» (типичным представителем которого было РНЕ), «новый правый» (к ним относится прежде всего Национал-большевистская партия) и скинхедов [Лихачев 2002; Shenfield 2001]. Анализ различий между этими сегментами в рамках теории П.Бурдье см. Соколов 2004. Рассматриваемая в этой статье риторика наиболее типична для «национал-патриотического» сегмента.

клуба, РНЕ с самого начала имитировало структуру военного подразделения. Все его члены носили черную униформу и проводили много времени за строевой подготовкой и упражнениями в стрельбе. Их излюбленными коллективными действиями были не собрания и дискуссии, а марши и патрулирование улиц в качестве дружинников (иногда — совместно с милицией).

РНЕ получило широкую известность после октябрьских событий 1993 г., когда его члены проявили наибольшую решительность и дисциплину в столкновениях с правительственными войсками и милицией. Это, как и то, что организация активно использовала символику, непосредственно ассоциирующуюся с нацистской (например, эмблему организации Коловрат — свастику, вписанную в восьмилучевую звезду, — и приветствия правой рукой с открытой ладонью), обеспечило постоянное внимание к ней со стороны журналистов, озабоченных “коричневой угрозой”. Однако в сентябре 2000 г. РНЕ распалось на несколько частей и вскоре практически исчезло с политической сцены.

Несмотря на то что “идеологическая монолитность” была предметом особой гордости сторонников РНЕ, при внимательном изучении его документов возникает впечатление полнейшей эклектичности*. В текстах, выпущенных организацией, фигурируют как минимум четыре идеологические вариации — православно-фундаменталистская, геополитическая, оккультно-расистская и повседневно-ксенофобская. Их использование или не использование в каждом конкретном случае определялось свойствами предполагаемой аудитории и контекстом обращения к ней [Соколов 1999]. Достаточно сказать, что в материалах одного и того же номера “Русского порядка” РНЕ могло провозглашаться боевым отрядом православной церкви, а мировое распространение “иудеохристианства” трактоваться как средство морального разложения “белой расы” [ср., напр. Баркашов 1997а и 1997б; 1998а и 1998б]. При этом РНЕ не делало никаких попыток разделить свою аудиторию, что заставляет отказать от предположения, будто разные системы аргументации применялись при обращении к разным группам слушателей и считались самими членами организации взаимомисключающими.

Большинство исследователей, анализировавших идеологию (вернее, идеологию) РНЕ, исходили из того, что она представляет собой выражение неких скрытых патологических мотивов, а сама массовая поддержка националистического движения есть симптом болезни общественного сознания, своего рода коллективный невроз**. Некоторые авторы, следуя логике Т.Адорно и его коллег, связывали эту болезнь с якобы свойственной многим россиянам констелляцией личностных черт. Ю.Левада и Л.Гудков трактовали данный синдром как наследие Советского Союза [Левада 1996; Гудков 1999], а Д.Ранкур-Лаферьер увидел в нем проявление “русского национального характера” [Rancour-Lafetrier 2000]. Другие (в частности, А.Галкин, А.Малашенко и З.Сикевич), опираясь на теории фрустрационной агрессивности, объясняли протест правых радикалов иррациональной реакцией на социально-экономический кризис, вызывающий острые депривации и побуждающий вымещать обиды на всевозможных этнических “козлах отпущения” [см. Галкин 1994; Малашенко 1999; Сикевич 1999].

При всей своей интуитивной привлекательности для каждого, кто не сочувствует целям радикальных националистов, такие интерпретации во многих отношениях совершенно неудовлетворительны. В действительности нет никаких

* Это обстоятельство отмечали многие авторы, в частности В.Лихачев [Лихачев 1999].

** Весьма показательна в этом смысле лексика исследователей, пишущих о русском национализме. Практически в каждой статье на данную тему можно найти арсенал психиатрических терминов типа “шизофрения”, “паранойя”, “бред”, “комплексы”, “проекции” и т.п. [см., напр. Левада 1994].

эмпирических данных, свидетельствующих о том, что среди русских радикальных националистов преобладают индивиды паранойяльного психологического типа. Таких данных нет и в отношении прочих социальных движений. Напротив, существует множество исследований, опровергающих наличие однозначных соответствий между идеологией группы и личностным типом входящих в нее людей [см., в частности, McAdam et al. 1986]. Будучи основаны на умозрительных рассуждениях, подобного рода предположения неизбежно рассыпаются при соприкосновении с реальными националистами (опыт, который, боюсь, отсутствует у многих исследователей “русского фашизма”, в особенности зарубежных). Тесно общаясь с членами РНЕ в течение полугода, я так и не смог выделить преобладающий в этой организации психологический тип. Вместе с тем нельзя было не удивиться сходству в жизненных траекториях тех ее сторонников, о которых мне удалось собрать сведения. За небольшими исключениями это были мужчины в возрасте от 25 до 45 лет с образованием не выше среднего специального, в большинстве случаев — бывшие военные и милиционеры (низших чинов), занятые физическим трудом (охранники, водители, механики), либо частные предприниматели*.

Объяснению того, почему именно такая биография располагала к идентификации с программными целями РНЕ, и посвящена настоящая статья. Далее будут описаны две сквозные темы, постоянно присутствующие в его риторике, и предложена интерпретация их стратегического смысла.

ЭТНИЗАЦИЯ

Первая из тем, проходящая через все документы РНЕ, — это этнизация социальных отношений или, точнее, социального неравенства. Любое неравенство, обсуждаемое в текстах РНЕ, подается авторами как этническая дискриминация. Возьмем в качестве примера небольшую статью под названием “Обращение к русским студентам” [Обращение 2003]. Она начинается с демонстрации неравенства в доступе к высшему образованию, и под высказанными в этой ее части соображениями, вероятно, подписались бы многие люди, не имеющие никакого отношения к националистической оппозиции. Мало кто будет спорить с тем, что престижные университеты сейчас практически закрыты для молодежи, не обладающей связями или деньгами. Однако, изложив соответствующие факты, автор неожиданно заводит речь об этнической дискриминации русских студентов и масонском заговоре против России, нацеленном на уничтожение отечественных университетов с помощью коррупции.

В том же ключе рассматривалась проблема университетов и на встречах РНЕ. Об этом свидетельствует, в частности, следующая запись в моем полеводном дневнике:

Пришедшие жаловались на засилье евреев в высшем образовании: “пока мы на заводе горбатились, эти степени получали”. “В институте их десять к одному”... “Везде [у них] такие связи, что только позвони по телефону — и уже принят”...

Общая закономерность, которая прослеживается в этих и подобных им рассуждениях, заключается в том, что неравенство шансов, обусловленное различиями в распределении культурного капитала**, относится на счет опериро-

* Некоторые региональные организации привлекали также городскую рабочую молодежь, но она, как правило, довольно быстро покидала их ряды [Лихачев 2002; Shenfield 2001].

** Под “культурным капиталом” здесь и далее понимаются “престижные культурные ресурсы” [DiMaggio, Mohr 1985: 1233] или, в соответствии с другим определением, “институционализированные, т.е. широко распространенные, культурные сигналы... используемые для социального и культурного исключения” [Lamont, Lareau 1988: 156]. Наиболее общая теория функционирования культурного капитала содержится в работах Бурдьё [Bourdieu 1984, 1986].

вания социального капитала связей, воплощенного в этнической организации. Характерно, что место этнической организации в такого рода построениях могут занимать любые скрытые от глаз непосвященных социальные сети и тайные общества — масоны, спецслужбы или, скажем, гомосексуалисты, которых пресса (желтая — часто, а националистическая — изредка) обвиняет в оккупации ключевых позиций в политике и шоу-бизнесе и дискриминации гетеросексуалов. Схема здесь одна и та же — эффекты существования экономического и культурного капитала выдаются за результаты использования капитала социального. Примеры, где антисемитские чувства выказывались бы вне связи с какой-либо предполагаемой дискриминацией русских, в текстах организаций типа РНЕ практически невозможно найти.

Не менее примечательно, что идентификация евреев производится радикальными националистами преимущественно на основании атрибутов, указывающих на образовательный уровень. Так, на одной из встреч РНЕ появился человек, который хвастался способностью по голосу определять среди радиоведущих евреев. При этом главными опознавательными признаками для него служили употребление малораспространенной лексики (вроде пресловутого “отнюдь”), сложные грамматические конструкции и почему-то словосочетание “Боже ж мой”.

Вот другой, почти анекдотический пример:

После этого разговор... перешел к демократии. Веселый РНЕшник рассказал, как он учился в Сельскохозяйственной академии и их ректор-коммунист, которого он глубоко уважает, сказал, что демократия развила сельское хозяйство, но она все-таки необходима. Его это очень насмешило — ведь есть еще столько государственных устройств — монархия, конституционная монархия. Демократия же... за всю историю просуществовала две недели, а потом афиняне сами от нее отказались. Проходившая мимо патриотичная дама в макияже возмущенно прокомментировала: “Ну вот, опять еврей рассуждает”...

Говоривший, насколько я мог судить, не обладал никакими чертами, которые обычно воспринимаются националистами как маркеры еврейского происхождения, — помимо познаний в античной истории и указания на обучение в вузе.

Неравенство в образовательном уровне интерпретируется как результат этнической дискриминации, а принадлежность к этнической группе определяется исходя из находящегося в распоряжении идентифицируемого субъекта культурного капитала, образуя замкнутый круг. Если те, кто за счет связей обеспечивает своим детям места в университетах, воспринимаются на этом основании как евреи, то утверждение, что евреи оккупировали высшее образование, превращается в тавтологию. И, наоборот (факт, вызывающий у русских антисемитов особое возмущение), отсутствие евреев среди военных и лиц, занятых низкоквалифицированным трудом, означает лишь то, что те имеют гораздо меньше шансов быть причисленными к евреям, какими бы данными они ни обладали*. Эта тождественность этнического и классового может быть истолкована как рационализация антисемитизма. Однако с таким же успехом в антисемитизме можно увидеть рационализацию классовых претензий — и случаи РНЕ дает все основания для такой трактовки.

* Крайне ограниченные познания в этом вопросе не позволяют мне сколько-нибудь подробно рассматривать исторические трансформации еврейской идентичности. Отмечу лишь, что в России уже на протяжении более чем ста лет она считается как-то связанной с образованием, хотя эту связь можно интерпретировать двояко — и как результат реальной трансляции образованности с принадлежностью к евреям, и как следствие вполне реальной трансляции культурного капитала в еврейских семьях. И в том, и в другом случае верно то, что антисемитизм есть концентрат негативных чувств, которые вызывают у групп с низким культурным капиталом группы, располагающие высоким.

МОРАЛИЗАЦИЯ

Вторая сквозная тема РНЕ, которую можно назвать морализацией, представляет собой склонность судить обо всех аспектах социальной жизни, даже о тех, которые обычно воспринимаются как сугубо технические, прежде всего с точки зрения их соответствия моральным стандартам, а обо всех индивидах — как о носителях нравственных качеств. Поскольку мораль в глазах русских националистов теснее всего связана с религиозностью, обычно провозглашается, что в идеале религиозные институты есть стержень любой социальной организации:

Н. заявил, что основа всего — православие, это главное для русского. А главное в русских — порядочность. Главное, чтобы везде были порядочные люди. Решались бы все проблемы.

Социальное благополучие ставится в зависимость от морального облика тех, кто управляет обществом*. Вместо республиканской системы сдержек и противовесов предполагается ввести систему отбора, способную обеспечить попадание в политическую элиту наиболее нравственных людей:

Профессиональные политики не вызывают у него доверия. Он одобрительно цитирует Победоносцева, писавшего, что люди, говорящие, какие они хорошие, за одно это не заслуживают избрания.

Свидетельством морального совершенства считается в первую очередь готовность беспрекословно подчиняться требованиям дисциплины, молчаливо исполнять свои обязанности, а не отстаивать права. Неудивительно, что вторым институтом, в котором, наравне с Церковью, сохранились “нравственные люди”, объявляется армия.

Объясняя свою неприязнь к ряду этнических групп, члены РНЕ обычно ссылаются на морально неприемлемые поступки их представителей. При этом каждый раз оговаривается, что к тем, кто соответствует этическим стандартам, у них нет и не может быть претензий. Для иллюстрации приведу две выдержки из бесед с разными людьми в разные годы:

Я сказал, что о них [РНЕ] говорят, что они против евреев. Он ответил, что “не видит разницы — что негр, что еврей”. Привел слова из “Арапа Петра Великого”, которого он очень любит: “Хоть телом я арап, но душой — русский”... Он показал на свои темные волосы: “Что я, ариец какой-нибудь, что ли?”

*Я спросил, что можно сделать с 44% кандидатов и докторов наук еврейской национальности**. М. быстро заговорил: “Если человек честно, хорошо преподавал, гадостей не делал, так что ему будет? Другое дело, если он преподавал историю по соросовским учебникам... Мы всего-навсего различаем добро и зло в политике”. Я сказал, что иногда добро не так-то просто отличить от зла. Он ответил, что для них водораздел всегда четкий***.*

Тему недвусмысленности морали продолжил другой участник встреч РНЕ, который так прокомментировал дебаты в Госдуме относительно учреждения комиссии по нравственности на телевидении:

* Этой теме по большому счету посвящена вся “Русская симфония” митрополита Иоанна [Митрополит Иоанн 1998], которую многие члены РНЕ считают своей “главной книгой”.

** Эта цифра впервые была приведена в вышедшей в середине 1980-х годов книге А. Романенко [Романенко 1986] и с тех пор многократно воспроизводилась в документах РНЕ и других праворадикальных организаций.

*** Интересно, что, хотя в этой среде постоянно говорят о “порядочности”, добиться от радикальных националистов какого-либо определения того, в чем именно “порядочность” состоит, практически невозможно. Понятие используется как самоочевидное, и любые вопросы на этот счет вызывают реакцию, сходную с той, которую в кризисных экспериментах Гарфинкеля вызывал у подопытных вопрос: “Что ты имеешь в виду, спрашивая, как мои дела?” Я несколько раз сталкивался с полной уверенностью членов РНЕ в том, что такие вопросы задают только евреи.

